

**Символика растений в переводных произведениях.
«Благородные» растения
(на материале переводов с корейского и китайского языков)**

© кандидат филологических наук Е. Н. Филимонова, 2003

Растительный мир Кореи и Китая ярок и по-своему неповторим. Травы, цветы, деревья, плоды этих деревьев в корейском и китайском национальном сознании являются хранителями вековых традиций, а также используются непосредственно в создании портрета «идеального» человека. Лотос, пион, орхидея, а также ива, цветы и плоды персикового дерева были и остаются постоянными эталонами для обозначения женской прелести и красоты. Растения активно участвуют в разнообразных ритуалах, сопровождая человека от колыбели до смерти: до сих пор ни одна свадьба в Корее не обходится без плодов жужубы (китайского финика) и каштанов; ивовые ветви вешали над дверьми жилых домов, ибо они сулили добро и счастье; ветвям персикового дерева приписывали лечебные свойства: ими хлестали больных лихорадкой и так изгоняли нечистую силу и т. д. Символические действия с растениями обозначают важнейшие вехи в жизни человека, намекают на дальнейшее развитие событий в его судьбе: сломанная и растоптанная ветка или сорванный цветок ассоциируются с утратой девственности и т. п. Мир растений дал корейскому и китайскому народам определенную, очень богатую систему символов и эталонов: сосна, бамбук, слива – самые почитаемые у этих народов представители растительного мира. Важную роль в корейской и китайской картинах мира играют и другие представители растительного мира: ива, персиковое дерево, кипарис, кедр и мн. др. Не меньшее значение имеют цветы (лотос, пион, хризантема, орхидея) и травы.

В корейских и китайских переводных произведениях растения занимают важное место. Некоторые растительные образы насквозь пронизывают корейскую и китайскую мифологию, легенды, поверья, поэтическую традицию. Зачастую в символике растений «закодирована» информация о морально-нравственных критериях, принятых в данном языковом социуме. В китайской и корейской живописи многие растения ассоциируются с человеческими типами и определенными настроениями: слива с ее вытянутой формой и не имеющая на себе пятен достойна быть партнером поэта; бамбук, благородный и тянущийся вверх, достоин быть поставлен в один ряд с ученым. Как писал в XVII веке Чжан Чао:

«Цветок сливы навевает нам возвышенные думы... // Орхидея доносит до нас прелести отшельнической жизни. // А сосна вселяет в нас величие древних» («Книга прозрений» 1997, 234).

Однако многие из ассоциаций понятны лишь тому, кто хорошо начитан, как бывает с аллегориями, принятыми и у нас.

Растения часто используются в иносказательных, метафорических выражениях, а также речениях фразеологического характера (далее РФХ), пословицах и крылатых выражениях. Излюбленные координаты корейской и китайской художественной литературы – это *припорошенная снегом цветущая слива, роняющие лепестки персиковые деревья, алые ветви коричневого дерева, желтые хризантемы, багряные клены, гибкие ивы, гнущиеся под весенним ветерком* и мн.др. В данной статье мы остановимся на тех представителях растительного мира, которые в Корею и Китае относят к классу «благородных». По разным источникам, это *сосна, бамбук, слива, персиковое дерево, лотос, пион, хризантема, орхидея* и некоторые другие.

Мугунхва

Национальным цветком Кореи является *гибискус* (по-корейски «мугунхва»). Для корейцев символика цветка – в корне самого слова «мугунхва»: «мугу» по-корейски – вечность, «хва» – цветок. Этот цветок воплощает в себе волю, упорство и решительность корейского народа. Каждый год с июня по октябрь вся страна утопает в этих цветах. Этот цветок воспевали многие поэты Кореи:

«Цветик мугунхва, // Что ты отыщешь родней // Нашей Самчхонри?» (Ли Ги Ен 1958,270); «О цветы мугунхва // на отрогах горы Пэктусан, // Там, где дышится вольно, // Где стелется утром туман!» (Хан Сэр Я 1961, 229).

Сосна

Сосна занимает особое положение в растительном мире корейской и китайской литературы. С ней связан комплекс представлений о вечном, неизменном как свойстве мира и как свойстве человека.

Сосна, являясь символом вечности, играет исключительно важную роль в моделировании пространства в корейской и китайской поэзии (см. Никитина 1994, 129). В своих стихах поэты Китая и Кореи подчеркивают особое положение *сосны* и *кипариса* в растительном мире, превосходство этих деревьев над всеми другими, хоть внешне они не так привлекательны, как *персик* и *слива*, например, зато красота последних лишь на краткое время, а *сосна* и *кипарис* не опадут даже зимой:

«Ни ива, ни вяз с ней не могут сравниться – // царит над всеми она, // Ни слива, ни тополь с листвою зеленой – // она все равно зеленой» (Ду

Фу 2000, 447); «*Сосна*, кипарис природно сиры, прямы: // Трудно им быть с лицом персика, сливы» (Ли Бо 2000, 234).

Сосна в стихах выступает как образ вечного, который раскрывается в сопоставлении с временными образами, например, цветами:

«Тепло придет – красуются цветы. // Наступит холод – листья опадают. // И лишь одна высокая *сосна* // Ни снега, ни мороза не страшится, // И к Девяти истокам под землей // Ее могучие простерлись корни» («Бамбук в снегу» 1978, 132); «Не смейтесь! Кривую *сосну* // Ветры сгибали, старили зимы. // Недолговечна цветов красота, // Ветры холодные неумолимы. // Не раз вам придется в лютую стужу // Завидовать мне кривой *сосне*» («Классическая поэзия...» 1977, 459).

Неизменность *сосны*, ее стойкость дают возможность сопоставить ее с человеком, верным своим принципам, не меняющим их в зависимости от обстоятельств:

«Что после смерти станет со мной? // Хочу я стать *сосною* на Пэнлае. // Поднявшись на высокую вершину // Один я буду зеленеть в ту пору, // Когда холодный снег летит на землю // И в белое одето все вокруг» («Бамбук в снегу» 1978, 55); «Каждый клялся другому // И искренне верил, // Что душа у него // И пряма и крепка, // Словно *ствол* корабельной *сосны*» (Ким Со Воль 1962, 43).

Сосна – центральный или один из главных элементов пейзажа, картины идеального мира природы, противопоставляемого миру суеты:

«Укрывшись от полуденного солнца, // Сижу я *под сосной* на берегу» («Бамбук в снегу» 1978, 264).

Сосна часто встречается в корейской и китайской поэзии в сочетании с бамбуком. *Сосна* и бамбук выступают как цветовые образы, несущие представление о вечнозеленом цвете:

«Для бамбука и *сосны* нет ни весен, ни осеней, ни лета, ни зимы – они всегда, неизменно зелены!»; «Разве от снега потухнет зелень бамбуков и *сосен*» («Верная Чхун Хян» 1990, 65; 109).

Взор отшельника, привлеченный зеленым цветом *сосны* и бамбука, не фиксирует хода времени, не замечает смен весны и осени:

«Здесь приютилась хижина моя – // На горном склоне, на скале отвесной. // Перед моими слабыми глазами // Два цвета только – *сосен* и бамбука // И потому не замечаю я, // Ушла весна или настала осень» («Бамбук в снегу» 1978, 115).

Сосна – это еще и напоминание о шуме ветра в ее кроне – неизменный образ в поэзии народов Дальнего Востока:

«Шелест ветра в *соснах* – тихое звучание комунго» («Повесть о зайце» 1960, 301).

Сосна называется одним из самых надежных друзей:

«Лишь несколько друзей всегда со мною:// Бамбук прямой, *Сосна*, Вода, Утес // Когда же над восточною горой // Луна восходит, я ее встречаю! // И, кроме этих пятерых друзей, // Никто на свете мне не нужен!» («Бамбук в снегу» 1978, 131).

Сосна – материал, из которого изготавливают ограду, лодки:

«Во дворе, где растет за *сосновой оградой* бамбук, // Ни единой пылинки мирской суеты...» («Классическая поэзия...» 1977, 433), «Я смастерила лодку из *сосны*, // По Тэдонгану вниз ее пустила» («Светлый источник» 1989, 358).

Сосновые иглы служили пищей отшельникам, а *семена* – кормом для птиц:

«Я житель гор, меня убаюкивает свист ветра в *сосновых ветвях*, питаюсь я *сосновыми иглами*, потому никогда не хвораю и сохранил бодрость и живость до старости...» («Сон...» 1982, 374); «Он приручал журавлей, бросая им *семена сосны*» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 273).

Наряду с орхидеями, бамбуком и сливой *сосна* выступает как узор на одежде:

«На наколенниках были вышиты орхидеи, *сосна*, бамбук и дикая слива в цвету – друзья, стойко переносящие зимнюю стужу, непремный знак любви и согласия» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 104).

В Китае при основателе первой объединявшей весь Китай империи Цинь, реформаторе, строителе Великой стены Цинь Шихуанне (259-210 гг. до н.э.) *сосне* был даже присвоен княжеский титул, как символу твердости и верности долгу. Это нашло отражение в литературе:

«Когда Бамбучинка подросла, к ней, соблюдая этикет, посватался *Сосна*. – Князь *Сосна* человек благородный, – сказали ее родители. – Изящные манеры князя подходят для нашей семьи» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 263).

В живописи *сосна* часто изображается с символами долгой жизни или возрождения – сливой, бамбуком, грибами, аистами, белым оленем.

Сосна часто встречается в образных сравнениях при описании красоты девушки, а также стойкости и твердости ее характера:

«Король и королева лично осмотрели ее – она была как *зеленая сосенка*, как глубокая чистая реченька» («Жизнеописание королевы Инхён» 1985, 85); «Эта женщина, стойкая, как *сосна*, и твердая, как бамбук, – я уже пробовал, но ничего из этого не вышло, лишь попусту затратил сотни лян серебра» («Повесть о Чон У Чхи» 1960, 280).

Кипарис

Кипарис – вечнозеленое и долголетнее дерево с прочной и стойкой древесиной являлось символом долгожительства, а также нравственной стойкости и жизненной силы (см. Ду Фу 2000, 468):

«Среди равнины // *Кипариса* крона, // Как балдахин, // Бросала тень веками // И сам он, // Наподобие дракона, // Стоял, // Владычествуя над ветрами. // К его стволу, // Что славен прямоюю, // Сюда сходились старики с поклоном... // Привольно рос он на земле просторной, // Столетия // Не ведая печали» (Ду Фу 2000, 198).

Вечнозеленые сосна и *кипарис* были предметом особого почитания: с ними связаны представления о королевских предках. Эти хвойные деревья играют определенную роль в преданиях о происхождении родоначальников древних корейских родов (см. об этом Герман Ким 2002). *Кипарис* называли янбаном (дворянином). Это нашло отражение в литературе:

«Ясень называют простолюдином, а *кипарис* – янбаном» («Роза и Альый Лотос» 1974, 343).

Кипарис и сосна являются «символами вечности». Считалось, что такие вечнозеленые деревья, как *кипарис* и сосна содержат особенно много животворящих элементов ян, которые обеспечивают сохранение зеленой листвы и зимой, а также, что *ветки кипариса* и сосны предохраняют от злых духов. Его часто сажали на кладбищах и во дворах храмов предков – это должно было предохранить тела усопших от гниения и разложения, а живым принести счастье и удачу. С целью сохранения останков умершего гробы изготавливали из сосновых досок, а поминальные таблички – из *кипариса*. (см. Сидихменов 2000, 30; 33; Герман Ким 2002).

«Поднимаюсь на холм, смотрю на просторы вокруг, // На севере вижу могилы Зеленой горы. // *Кипарисы* и сосны укрывают высокие пики» («Книга прозрений» 1997, 121).

Кипарис – цветовой образ:

«К востоку от ворот Тяньаньмынь среди густых темно-зеленых сосен, изумрудных *кипарисов*, буйных зарослей камыша и ив находился величественный Храм предков – святыня маньчжурских императоров» (Сидихменов 2000, 262).

Кипарис выступает как строительный материал:

«Когда-то ханьский У-ди, потрясший Вселенную своей мощью, воздвиг террасу с балками из *кипариса*» («Повесть о зайце» 1960, 289).

Сосновые и *кипарисовые иглы* считались символами неуязвимой молодости и силы: их носили на поясе в шелковых мешочках.

«В мешочке лежали сосновые иглы и *иглы кипариса*, а также бутонны роз и пахучие травы из Вьетнама» («Цветы сливы» Т.1. 1998, 280).

Кедр

В Корею считали, что *кедры* обладают живительной силой и магической энергией. Наряду с дубом, вязом, сосной, ивой и каштаном его относили к священным деревьям (см. об этом Герман Ким 2002).

Кедр и сосна – обязательные элементы горного пейзажа:

«Кругом теснились величественные вершины; яркая луна бросала холодные лучи на густую траву, сосны и *кедры*, покрывающие подножия гор; где-то журчала вода; изредка доносился унылый голос кукушки» («Повесть о Чан Хва и Хон Нён» 1960, 612).

Для могил выбирали места, где росли *кедры* и сосны:

«У могилы деревья стояли в пышной (зелени), густо росли сосны и *кедры*» («Ссянчхон кыйбон» 1962, 55).

Кедр в паре с сосной символизирует стойкость и непреклонность перед жизненными невзгодами:

«... облик ее можно было сравнить с золотом и нефритом, а душевные качества – с сосной и *кедром*» («Жизнеописание королевы Инхён» 1985, 63).

Вместе с яркими цветами *ветки кедра* были неотъемлемым атрибутом жертвенного стола при совершении молитв небу и земле с выражением благодарности за богатый урожай в старом году и пожеланием хорошего урожая в Новом году (см. Сидихменов 2000, 31).

Кедровые орехи использовались при приготовлении различных блюд, например, пельменей (манту), а также с ними заваривали чай:

«Зять разломил манту, увидел в нем *кедровые орехи*...» («Черепашья суп» 1970, 35); «Старуха очень обрадовалась ей, провела в комнату, усадила и подала крепкого чаю, заваренного с грецкими и *кедровыми орехами*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 55).

Бамбук

Бамбук, одно из цветущих зимой деревьев, является восточным символом постоянства, изящества, гибкости и пластичности, хорошего воспитания, длительной дружбы, долголетия и цветущей старости, так как постоянно зелен. *Бамбук* обозначает также зиму, поскольку наряду со сливой и сосной *бамбук* является одним из «трех ее друзей». *Бамбук* – эмблема Будды. (Тресиддер 2001, 19; «Когёа» 1999, 20). *Бамбук с ласточкой* олицетворяет дружбу; с журавлем – долгую жизнь и счастье; сочетание *сливы* и *бамбука* символизировало прочную дружбу; вместе с *сосной* они являли образ взаимной преданности даже в зимнюю стужу, а также единения «трех учений» Китая: конфуцианства (*сосна*), буддизма (*бамбук*) и даосизма (*слива*) (см. об этом Малявин 2000, 336).

Как и сосна, *бамбук* – один из главных элементов пейзажа, картины идеального мира природы, противопоставляемого миру суеты:

«В том краю невиданно прекрасном // Лишь бессмертные одни живут! // В том краю вершины высоки, // Рвется ввысь *бамбук* темнозеленый, // Зеленъ покрывает склоны гор» («Бамбук в снегу» 1978, 281).

Бамбук в корейской поэзии связан с представлениями о неизменном, вечном, совершенном (см. об этом Никитина 1994, 239):

«Нет ничего в природе совершенной, // Чем этот пустотелый крепкий ствол! // Люблю *бамбук* за прямоту его, // За то, что круглый год он зеленеет» («Классическая поэзия...» 1977, 455).

Бамбук и сосны окружают жилище отшельника:

«В одежде отрешенного от мира // К родным садам я ныне возвращаюсь. // Теченье вод и выси гор все те же, // Но пышно разрослись *бамбук* и сосны. // И вновь под кровом тесного жилища // Рогожу разостлал я и ликую, // Лежу и тешусь дуновеньем ветра, // Меня ничто отныне не заботит» («Корейская классическая поэзия» 1956, 217); «Вокруг пышно разрослись сосны и *бамбук*, а посреди луга, покрытого ярким пестрым ковром цветов, стоял скромный и приветливый домик» («Сказания о госпоже Пак» 1960, 499).

Стойкость вечнозеленого *бамбука*, несущего идею вечного дает возможность сопоставить его с совершенным, нестигаемым, решительным человеком, который может склониться перед бурей, но потом встает снова:

«Кто говорит, что зимнею порою // *Бамбук* в снегу склоняется к земле? // Как мог бы зазеленеть он средь зимы, // Когда б покорно перед ней согнулся? // Я знаю: в этот год такой холодный, // Прямым остался только он один» («Бамбук в снегу» 1978, 47); «Хорошо зная сына, который, словно зеленый *бамбук*, уж если решится, ничто не заставит его изменить свое решение, Кан Бан Сок чувствовал некоторое облегчение на душе» («Мангендэ» 1981, 203); «... язык у этой красотки – что нож острый, верность – что сосна и *бамбук*» («Повести страны зеленых гор» 1966, 227).

Бамбуковая роща – место идеального отдыха в жаркие дни:

«Летом особенно приятно вместе с красавицей подставить себя дуновению прохладного ветерка и, искупавшись, подремать в зарослях *бамбука*» (Малявин 1997, 355).

В корейской и китайской литературе *бамбук* является цветовым образом:

«Здесь овеванный ветром // Зеленый *бамбук*» (Ду Фу 2000, 153); «Изумрудные копыя *бамбука* рвутся ввысь...» («Классическая поэзия...» 1977, 481).

Бамбук – материал, из которого изготавливали различные бытовые предметы, необходимые для жизни, например, кувшин для вина, калитку, забор, короб, оконные рамы и т. п. Считалось, что предметы, изготовленные из *бамбука*, обладают высокой прочностью.

«И чтоб калитку новую сплести, // нарежь, малыш, *бамбуковые стебли!*»; «В оконной раме *из бамбука* – ночь» («Бамбук в снегу» 1978, 199; 173); «... кувшин *из бамбука* с берегов Сяосяна и Дунтина...» («Верная Чхунхян 1960, 60); «Государь вернулся в столицу и приказал сделать *из чудесного бамбука* свирель» («Корейские предания и легенды» 1980, 183); «Я *бамбуковый короб* // Тогда изготовил, // Чтоб жемчуг хранить // Для уплаты налога» (Ду Фу 2000, 329).

Бамбуковая палка и бамбуковая шляпа – приметы отшельника:

«С *бамбуковой палкою* иду // По Яшмовому мостику над рекой»; «Мне плащ соломенный сейчас не нужен, // *Бамбуковую шляпу* надо взять» («Бамбук в снегу» 1978, 115; 137).

Из бамбука сделаны дом, мебель и т.п. и у отшельника:

«Они прошли мимо изумрудных пиков, потом свернули на другую дорогу и вскоре очутились перед Пещерой Зеленого *Бамбука*. Землю вокруг устилал зеленый мох, высокие *стволы бамбука* словно упирались в небеса. В *бамбуковых зарослях* стоял сложенный *из красноватого бамбука* домик с четырьмя комнатами. Путники вошли в него. Поперечная балка в главной комнате была вытесана *из бамбука* Фея Реки Сян, а колонны – из ярко-зеленых, цвета плесени, *бамбуковых стволов*. Двери домика были сколочены из плотно пригнанных *стволов бамбука* Ветряной Человек, за пологом *из бамбуковой бумаги* стояло *бамбуковое ложе*... Тем временем старик выставил *стол из бамбука*, смазанного маслом, и *два бамбуковых кресла*, обитых зеленой кожей» («Книга прозрений» 1997, 428).

Побеги бамбука являются лакомством для китайцев и корейцев:

«Тогда Симынь дал ему тарелку с печеными на пару блинами, чашку супа из устриц, заправленного душистым луком и маринованными *побегами бамбука*» («Цветы...» Т.1.1998, 239); «Крестьяне готовят на ужин дешевый батат, // И дикого меда // нетрудно найти на обед. // *Ростками бамбука* // мы сможем украсить свой стол...» (Ду Фу 2000, 435).

Ростки бамбуки были обязательным блюдом жертвенного стола, также *из бамбука* изготавливалась ритуальная посуда, в которой преподносилось съестное богам (см. Сидихменов 2000, 271).

Плоды бамбука также считались, по преданию, пищей, которой питались фантастические птицы – фениксы (см. об этом, напр., Ду Фу 2000, 382 и мн. др.).

Бамбук в Корее – символ женского целомудрия:

«А среди сосен и *бамбуков* чуть-чуть виднеется дом Чхун Хян. – Домик-то опрятный, – заметил юноша, – *бамбуковая роща* густа, а *бамбук* – это символ женского целомудрия» («Верная Чхун Хян» 1960, 47).

С *бамбуком* связано немало легенд. Одна из легенд рассказывает о том, что однажды мать некого Мэн Цзуна захотела *бамбуковых побегов*,

однако стояла зима и добыть их было негде. Тогда Мэн Цзун пошел бродить по лесу, досадуя, что не может доставить удовольствие матери, как вдруг вокруг него стал расти *бамбук*. Жил Мэн Цзун в III веке и был известен как преданный сын (см. об этом «Верная Чхунхян» 1960, 651). Ссылки на эту легенду часто встречаются в художественной литературе:

«Мэн Цзун тоже был почтительным сыном – холодной снежной зимой он сумел достать *ростки бамбука* и накормить свою мать»; «Мэн Цзун пролил слезы в лесу, и из-под снега показались *побеги бамбука*. Вот образец сыновней любви!» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 194; 203).

По преданию, жены императора Шуня, жившего в третьем тысячелетии до н.э., оплакивали умершего мужа на берегу сливающихся рек Сяо и Сян, которые находятся в центре Китая. Их слезы, как гласит легенда, падая *на бамбук*, оставляли на нем пятна. Так легенда объясняла происхождение *красчатого бамбука*, произрастающего в области Чу (см. об этом «Верная Чхунхян» 1960, 646; 664; «Сон...» 1982, 739; «Классическая поэзия...» 1977 и мн. др.).

Реки Сяо и Сян, дождь, *красчатый бамбук* – частые образы в классической литературе Китая и Кореи. Пояснения, как правило, даются в Примечаниях, расположенных после текста произведений и довольно информативны.

«А Хун опять тронула нефритовой рукой струны и повела другую мелодию, медленную и грустную, и показалось, будто струи дождя побежали *по красчатому бамбуку* на реках Сяо Сян...»; «Свистит ветер в зарослях *красчатого бамбука*, пронизывает тело и душу» («Сон...» 1982, 78;100).

Иногда краткое изложение легенды содержится в самом тексте произведения:

«Некогда император Шунь, объезжая страну, скончался на горе Цаньушань, а две его супруги, Э-хуан и Нюй-ин, не могли уйти вслед за ним и плакали на берегу реки Сяосян. Они плакали кровавыми слезами *в бамбуковых зарослях*, капли крови, падая *на бамбук*, оставляли крапинки, и теперь его называют *сяосянским красчатым бамбуком*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 369).

Бамбук часто встречается в образных сравнениях. В стереотипном мышлении корейцев и китайцев *ростки бамбука* связываются с красотой и изяществом женских рук и ног, а также пальцев:

«Сестры протянули к ней руки, схожие разве, что *с ростками молодого бамбука*»; «руки – нефритовые *побеги бамбука*»; «бинтованные ноги – *побеги-ростки бамбука*» (Би Сяошэн 1992,146;185); «Стройная, не полная и не худая... с красивыми глазами... и тонкими, словно *ростки молодого бамбука* пальцами, она казалась изваянной из нефрита» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 246).

Нравственные качества человека: твердость характера молодой женщины отождествляются с сосной, пихтой и *бамбуком*:

«Воля ее тверда, как железо и камень, она может сравниться с зеленой сосной, изумрудным *бамбуком* да пихтой, что спорят с четырьмя временами года» («Верная Чхунхян» 1960, 58).

В корейских переводных произведениях отмечено значительное количество РФХ и крылатых выражений с компонентом *бамбук*.

Так, РФХ *друзья по бамбуковой лошадке* означает 'друзья детства'.

«Среди ваших гостей день и ночь будут веселиться в гостинной славные герои и знаменитые поэты – все *«друзья по бамбуковой лошадке»*, тогда вы позовете жену из покоев и прикажете ей приготовить вино и закуски» («Верная Чхунхян» 1960, 60).

РФХ *будто бамбук пополам расщепили* имеет значение 'очень сильно и неожиданно'.

«Юесян рванула рукав и начала бесноваться. Тогда княжич одной рукой схватил ее за волосы, а другой ударил по щеке так, *будто бамбук пополам расщепили*» («Записки...» 1985, 177).

Пояснения к крылатому выражению *искать бамбук в горах Чжушань, а яшму в Ланьтянских горах* содержатся в самом тексте произведения и находятся в препозиции по отношению к этому крылатому выражению. В Китае Ланьтянские горы славились необыкновенной по красоте яшмой, а горы Чжушань – *бамбуком* (см. об этом. Ким Ман Чжун 1961).

«Ей нетрудно отличить ум от тупости, она способна прекрасно разбираться в людях. Иначе говоря, она *«ищет бамбук в горах Чжушань, а яшму в Ланьтянских горах»* (Ким Ман Чжун 1961, 83-85).

Слива

В Корею и Китае *слива* (кор. *мэхва*, кит. *мей-хуа*) цветет зимой или очень ранней весной, когда кругом снег, в первом месяце лунного календаря, поэтому она символизирует зиму, силу, стойкость, триумф, а также долголетие, отшельничество, чистоту и красоту (Тресиддер 2001, 340-341).

Слива – эмблема ранней весны:

«Восточный теплый ветерок повеял, // Последние сугробы растопил. // На ранней *сливе* под моим окном // Покрылись ветви первыми цветами» («Бамбук в снегу» 1978, 243).

С приходом весны и цветением *сливы* связывается изменения жизненной ситуации к лучшему, приход радостных дней:

«В Намвон пришла осенняя пора, и облетели с деревьев листья, а на подворье пришла весна, оживил меня весенний ветер *в цветах сливы!*» («Верная Чхун Хян» 1960, 129).

Цветы сливы считались символом мудрости, мудрого человека, который находится в вечном поиске истины:

«Долину всю снегами замело. // И тучи черные ее застлали. // Я за *цветали сливы* шел туда, // Но где они растут – мне неизвестно. // В лугах заката я один стою // И разыскать дорогу не умею» («Корейская классическая поэзия» 1957, 58).

Слива мэхва выступает как цветовой образ:

«На голых ветвях деревьев белел, словно *цветы фруктового дерева мэхва*, пушистый иней» (Ли Ги Ен 1958, 231).

В Корее и Китае в пору цветения *сливовых деревьев* было принято украшать женские прически *веточками цветущей сливы*:

«Будто вчера только втыкала я *цветы сливы* в свою прическу в башне Инсянгэ и слагала стихи в павильоне Лунцуйтан и вот уже вдруг скитаюсь где-то на краю света» («Записки...» 1985, 146).

Вместе с коричневым деревом и орхидеями в художественной литературе *слива* выступает как строительный материал, из которого делают стропила:

«... были там столбы из коричневого дерева и перила из орхидей, *сливовые стропила* и лotosовые беседки» («Книга прозрений» 1997, 419).

Слива – узор на одежде:

«Сколь очаровательны были их крошечные ножки, обтянутые шелком тонких носок с вышивкой в виде вишен и *слив...*» (Би Сяошен 1992, 135).

С плодами сливового дерева связано предание:

Известный китайский поэт Ван Жун (234-306 гг.), входивший в литературное объединение «Мудрецы из Бамбуковой рощи», отличался непомерной скупостью, чтобы соседи не могли вырастить такую же прекрасную *сливу*, как у него, якобы проглатывал косточки или разбивал их (см. об этом «История Цветов» 1991, 636). Это предание упоминается в художественной литературе:

«Вот только сожалею, // что не могу взять в толк: // Кто косточки от *сливы* // со *сливой* проглотил» («История цветов» 1991, 94).

Сливовое дерево – излюбленный восточный символ ранней юности девушки, так как *цветок сливы* появляется еще до того, как дерево покрывается листьями. *Дикая слива* выступает и эталоном красоты, поэтому часто встречается в образных сравнениях. Так, красивые девушки, а также их нежные лица, кожа и великолепные прически соотносятся *со сливовым деревом* или его *цветами*:

«Ей едва минуло трижды по шесть, она расцвела, словно *пышно-цветущее деревце сливы*» (Би Сяошен 1992, 42); «Сucin (подобна) *припорошенному цветку сливы!*» («Сон...» 1982, 543); «Свежие щечки дам – сплошное загляденье... Они – точь-в-точь как *цветы сливы*, чистые и нежные»; «... кожа, цвета *лепестков сливы*, напудрена...» («Книга про-

зрений» 1997, 378; 358); «Те гляделись одна краше другой: прически напоминают *цветки сливы...*» («Сон...» 1982, 542-543).

Слива отмечена в составе РФХ *сломить первую ветвь (лунной) сливы*, которое имеет значение 'достичь небывалого успеха в каком-либо деле; получить первое место на государственных экзаменах':

«Высокоодаренный ваш сын... *сломил первую ветвь лунной сливы* и был удостоен церемонии в Яшмовом зале» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 515).

Плоды сливового дерева встречаются в крылатом выражении, значение которого четко прослеживается из контекста и не нуждается в толковании:

«*Но разве можно насытить людей, рисуя хлеб и рассказывая о сливах*» («Записки...» 1985, 215).

Ива

В Корее и Китае *ива* пользовалась особым почитанием. Это дерево почитали прежде всего за то, что оно своими листьями создает надежную тень, давая людям возможность насладиться прохладой во время знойных и солнечных дней. Из гибких *ивовых прутьев* плели корзины и веревки, а *из листьев*, содержащих танин, крестьяне в Китае готовили напиток, заменяющий собой чай. Из *листьев* и *коры* некоторых видов *ивы* приготавливали лекарства для лечения зоба, дизентерии, ревматизма. Красота *ивы*, ее хрупкость воспеты великими корейскими и китайскими поэтами и воплощены в полотнах выдающихся корейских и китайских художников. Изображение двух переплетенных между собой *ветвей ивы* служило символом нерасторжимой любви. Считалось, что *ива* обладает силой в борьбе со злыми духами и, когда это нужно, может помочь изгнать их. Из *ивового дерева* прорицатели изготавливали идолов, через посредство которых они общались с миром духов. *Ива* наделялась чудесной, магической силой, способной возрождать природу и повышать плодородие почвы. Поэтому в посевной период в Корее повсеместно устраивались качания на качелях, привязанных к *ветвям ивы*. *Ива* выступала как носительница женского производительного начала, и этот обряд должен был способствовать хорошему урожаю. Это нашло отражение в корейской литературе:

«Она привязала качели к высокой *иве* вышиной в сто чхоков и захотела покачаться... Плавно качаются вместе с качелями *листья дерева* над головой» («Верная Чхун Хян» 1960, 41).

В буддизме *ива* олицетворяет кротость и сострадание и связана с бодхисатвой Гуань-инь, которая кропит живой водой, используя *ивовую ветку*. Буддисты считали, что *ивовые ветви*, окропленные водой приобретают очистительные свойства. *Ивовые ветви* вешали над дверьми

жилых домов, ибо они сулили добро и счастье. Женщины вкалывали в волосы *веточки ивы*, которые защищали от злых духов, придавали остроту зрению и предохраняли от слепоты (см. Сидихменов 2000,34-35; Тресиддер 2001, 125-126; Герман Ким 2002).

Ива является символом весны. Это одно из первых деревьев, выпускающих свои нежные листья под лучами весеннего солнца, поэтому может расти почти везде. *Ива* входит в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина весны, идеальное состояние природы в пору цветения:

«Стояла чудесная пора цветения *ив* – благоуханная весна. Ликовало все живое – даже травы и деревья» («Верная Чхун Хян» 1974, 311); «И ранняя весна настала вновь... // Взошла трава, зазеленели ивы» («Бамбук в снегу» 1978, 239).

С *ивой* связывается мысль о том, что, опутав зелеными ветвями-нитями, можно удержать весну и молодость, уходящую любовь:

«Ветвями-нитями зеленой *ивы* // Кто может вешний ветер привязать? // Что толку в грусти бабочек и пчелок, // Когда цветы роняют лепестки? // Как ни сильна, ни горяча любовь, // Что сделаешь, когда уходит милый?» («Бамбук в снегу» 1978, 101).

Ива – материал, из которого изготавливали посуду:

«На блюдах из китайской *ивы* ей подают невиданные яства» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 225).

В Корее и Китае *ива* является и символом разлуки. При разлуке было принято отламывать *веточку ивы* и давать уезжающему на память, поэтому *ивы* часто встречаются в поэзии и прозе при описании прощания, печали в разлуке и тоски по отсутствующим:

«Пьянею грустью у плакучей *ивы*. Даю тебе на прощанье ее гибкую, мягкую ветвь и с нею чувство крепкой дружбы» (Ли Бо 2000, 218); «Утром я отломил возле дома *ветку ивы*, спела «Янгуанскую прощальную» – и на душе у меня стало невыносимо тоскливо» («Сон...» 1982, 124).

В корейских и китайских национальных представлениях *ива* – символ весны, женственности, кротости, грации и очарования, поэтому *ива* часто встречается в ряде образных сравнений. Милая и робкая девушка соотнесена с «*ивой под весенним ветром*» («Сон...» 1982, 504).

С *ивой* отождествляется женская фигура, талия:

«Ее тонкая талия походила на гибкую *иву*» (Би Сюшэн 1992, 56); «За последние два года Кот Пун, особенно с наступлением нынешней весны, заметно подросла, повзрослела, стала такой стройной, как налившая *ива* весной» («Цветочница» 1986, 150).

Брови красавиц также могут уподобляться *ивам*, ее ветвям и листьям:

«Весь ее облик выражал страдание: *брови-ивы* насуплены...»; «... их прекрасные брови, напоминающие *листья ивы*, были насуплены...» (Би Сяошен 1992, 118;98); «Если в глазах ее сверкают молнии, а брови склонились, словно *ветви ивы*, это значит, что ее переполняет гнев» (Малявин 1997, 353).

С веткой ивы сравнивается лицо девушки:

«Ее волосы перебирал ветер весны, но в лице, подобном *ветви ивы*, потрепанной свирепой бурей, – в лице не было ни кровинки» («Сон...» 1982, 75).

Состарившаяся и потерявшая красоту женщина соотносится с *засохшей ивой*:

«Беда тебе, поблекшая красота! // Ты – как сухая *ива* возле речки. // Та, от которой ствол один остался, // Прогнивший и давно готовый рухнуть...»; «Стать бы снова, снова молодой! // Чтобы вновь пятнадцать лет вернулись! Но лицо, красивое когда-то, – // как трухлявый *пень* плакучей *ивы*, // Что стоит на берегу реки...» («Бамбук в снегу» 1978, 217; 228).

Ива – олицетворение женской слабости, хрупкости и нежности:

«Но что могла я, слабая, словно *ива*»; «Слабая, хрупкая, словно *тростник* или *ива*, я бы все равно не ушла далеко» (Ким Си Сып 1972, 45; 9); «Одна была нежная, словно *ива*» (Пу Сун-лин 1999, 63).

Недолговечность, бренность всего в мире ассоциируется с *ивовым цветом*, а легкость, невесомость – с *ивовым пухом*:

«Обещания... рассеялись, как *ивовый цвет* от порыва ветра» («Корейские предания и легенды...» 1980, 117); «Он подпрыгнул так высоко, словно сам был *ивовым пухом*, который подхватил ветер» (Би Сяошен 2000, 155).

Ива, являясь олицетворением женского начала инь (см. об этом Тресиддер 2001, 125-126), легла в основу многих РФХ:

«Но увы! Красавице пришлось // Стать *цветком у самого забора*, // *Ивою у людского пути*» («Бамбук в снегу» 1978, 279); «Непристойно вела себя, как говорится, была *ивой и розой при дороге*» («Верная Чхун Хян» 1990, 59).

РФХ *ива и цветы (розы)* имеет значение: 'женщины легкого поведения'. Такое же значение имеют РФХ *заломленная ветка ивы* и *ива весеннего квартала*.

«И хотя она была, как говорится, «*заломленной веткой, «ивой весеннего квартала*», хотя она доставляла радость множеству гостей... она никогда ничего подобного не испытывала» (Би Сяошен 1992, 33).

РФХ *сломать зеленую иву среди цветов; сломать ветку ивы* имеют значение: 'узнать плотскую любовь'. Толкования стоят в постпозиции или препозиции по отношению к этим РФХ:

«Этот юнец еще ни разу, как говорится, *не сломавший зеленой ивы среди цветов*, не знавший любви красавицы, шел провести ночь в доме кисэн» («Верная Чхун Хян» 1990, 38); «Мне было едва ли шестнадцать, когда некий заезжий гость лишил меня детства... специально приехал, чтобы *«сломать ветку ивы, или сорвать девственный цветок»* (Би Сяошен» 1992, 35).

Ива отмечена и в пословице, значение которой четко прослеживается из контекста:

«Поля здесь ровные, широкие, но не распаханы. Деревья были вырублены, и повсюду в беспорядке валялись корни и стволы. Вся трава вытоптана коровьими копытами и изъезжена колесами. Мы поняли, что застава уже близка, раз здесь ходят местные жители. Решив проверить, погнали коней, и действительно, через семь-восемь ли оказались у заставы. Холмы вокруг были просто покрыты овцами и свиньями, вились синеватые утренние дымки. Ограда была поставлена из стволов срубленных деревьев – так они обозначили границу. Вот уж поистине можно сказать: *«Срубили иву, чтобы поставить забор!»* («История цветов» 1991, 468).

Персиковое дерево

В дальневосточных странах издавна трогательно любили *цветы персика*, которые олицетворяли собой весну. Многие сады и парки Китая и Кореи прославились своими цветущими *персиковыми деревьями*. Людям доставляло эстетическое наслаждение созерцание ярких, изящных и утонченных *цветов этого дерева*: они напоминали лицо красавицы. *Цветы персика* воспеты в бесчисленном множестве стихов поэтов разных поколений. Однако больше всего ценилось не само *персиковое дерево*, а его *плоды*. Они были символом бессмертия и служили составной частью эликсира жизни в даосской религии. Божество долголетия часто изображалось выходящим из *персика*. *Плод персикового дерева* олицетворял собой счастье супружеской пары. *Из персикового дерева*, обладающего магическими свойствами, даосские монахи изготавливали печати, оттиски с которых украшали талисманы и амулеты (см. об этом Сидихменов 2000, 34; «История цветов» 1991, 346).

В буддизме *персик* наряду с цитрусом и гранатом является одним из трех благословенных плодов. В Китае и Корее означает бессмертие, Древо жизни в раю, плод фей, долголетие, добрые пожелания. Один из наиболее благоприятных китайских и корейских символов (Тресиддер 2001, 273; «Korea» 1999, 345).

Персиковые деревья в цвету – обязательный элемент при конструировании идеальной картины весны:

«Пышно распустились *цветы слив и персиков*, склонили ветви зеленые ивы» («Повесть о зайце» 1960, 301).

Сосны и зеленые бамбуки олицетворяют постоянство, *цвет персика* – недолговечен, поэтому *персиковые деревья* выступают не только, как знак весны, но и как знак быстротечности весеннего цветения:

«Здесь сосны и зеленые бамбуки – вековая неизменность, *цвет персиков* и абрикосов – мимолетняя весна» («Повесть о зайце» 1960, 296).

Персик и *цветы персикового дерева* в корейской литературе являются цветовыми образами: «тушечница цвета алого *персика*» («Повесть о зайце» 1960, 293); «пурпур *персиковых цветов*» («Классическая поэзия...» 1977, 481).

Цветы корицы и *лазоревого персика* – приметы Божественной Девы:

«Внезапно откуда-то появилось пятицветное облако, в замке громко заиграла музыка, и вот уже с облака торжественно спускается богиня Яшмовой столицы, держа в правой руке красный цветок корицы, а в левой – *лазоревый цветок персика*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 226).

Желая обрести бессмертия, древние пили настой *из персиковых цветов*:

«...И – игристое вино, Доу – Водка двойной перегонки, Ян – Темная водка и Линь – Выдержанное вино – принимали древний настой *из персиковых цветов*, желая обрести бессмертия» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 261).

С *персиками долголетия* пекли лепешки и посылали их в дар особо уважаемым господам:

«Еще от госпожи Пин-эр с Львиной улицы принесли подарки: четыре блюда фруктов, блюдо лепешек *с персиками долголетия...*» («Цветы сливы...» Т. I. 1998, 217).

В форме *персикового цветка* изготавливалась посуда:

«Симынь приказал служанке... наполнить вином серебряную заморскую чарку в форме *персикового цветка* и поднести ее певцу» («Цветы сливы...» Т. I. 1998, 239).

Цветы персика – узор на ширме:

«Идя по цветущему и благоухающему саду, он прошел мимо ширмы, украшенной *цветами персика*, составленными из камешков голубой бирюзы» (Би Сяошен 1992, 54).

Немало преданий связано с *персиком*. В одном из них рассказывается о *персиковом дереве*, которое, по преданию, растет во владениях царицы фей, владычицы Запада, богини Сиванму на берегу Яшмового озера и приносит плоды раз в тысячу лет. Тот, кто отведал этого *персика*, становится бессмертным (см. об этом «Верная Чхун Хян» 1960, 655; 660). Ссылки на эту легенду отмечены в художественной литературе:

«Я лошуйская дева. Шла я в Яшмовую столицу, чтобы поднести государю *персик бессмертия...*» («Верная Чхун Хян» 1960, 35); «Вас ждут прогулки по красивейшим местам, каждый день можно будет наслаждаться *персиками* из садов богини Сиванму» («Повесть о зайце» 1960, 305).

Зачастую мифические персонажи становятся полноправными героями средневековых произведений, а отрывки из легенд вкрапляются в текст основного произведения:

«Сиванму улыбнулась и молвила: – В саду у себя я вырастила *персиковые деревья*, да озорник Дунфан Шо утащил их плоды. Осталось всего пять *персиков*, их я принесла вам в дар. Стоит съесть их простому смертному – он проживет пять тысяч лет!..» («Сон...» 1982, 274).

Цветение *персиковых деревьев* легло в основу метафорического образа весеннего разлива реки Хуанхэ в Китае – *персиковые воды*:

«Глубины *персиковых вод* // хоть в десять тысяч чи!» (Ли Бо 2000, 330).

Персиковыми воды реки Хуанхэ назывались потому, что разлив приходился на время цветения *персиковых деревьев* (обычно во второй месяц по лунному календарю), когда вся вода была покрыта розовыми лепестками (см. об этом Ли Бо 2000, 352).

В корейском и китайском стереотипном мышлении *персик* и *цветы персикового дерева* – эмблема чистоты и девственности:

«И пришла десятая луна, // Ай, я стала *персиком* с надрезом, // Ой, надрезав, бросили меня; // Кто теперь возьмет меня такую!» («Корейская классическая поэзия» 1956, 23).

Цветок персика является и эталоном красоты. В корейской и китайской литературе часто встречаются образные сравнения, в состав которых входят *цветы* и *плоды персика*.

Нежные юные девичьи лица соотносятся с *цветами* и *плодами персикового дерева*:

«Лица девушек таили нежную прелесть // едва расцветших *бутонов персика*» (Био Сяошен 2000, 135); «Лицо – в третьей луне *цвет персика*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111); «... у нее белое лицо и яркий румянец, щеки напоминают *персики*» («Сон...» 1982, 220).

С *персиком* сопоставляется лицо мужчины:

«И румяней твой лик, чем на солнце согревшийся *персик*» («Корейская классическая поэзия» 1956, 24).

Следует заметить, что сравнение глаз с *плодами персикового дерева* может показаться русскоязычному читателю странным и ошибочным. Однако похожие на *персики* по форме и размеру глаза до сих пор считаются эталоном красоты у народов Дальнего Востока и являются возжеланной мечтой, насколько известно автору, многих корейских девушек.

«Глаза, точно круглые *персики*» (Би Сяошэн 1992, 88).

Покрасневшие от слез глаза девушки также сравниваются с *плодами персикового дерева*. Здесь *персик* выступает как цветовой образ:

«... глаза ее от слез стали красными, словно *персики*» («Цветы слывы...» Т.1. 1998, 131).

Необычным кажется и отождествление женских губ с *цветами персика*. Русскоязычному читателю может быть не совсем понятно, какие именно свойства объекта составляют в этом случае центр притяжения: цвет, форма, нежность, влажность и т. д.:

«... алые губы напоминали чуть приоткрывшийся за ночь *бутон персика* с каплями холодной росы» («Роза и Алый лотос» 1974, 312).

С *персиками* соотнесены груди молодых женщин: «... бьются и колышутся *персиковые груди*» (Би Сяошэн 1992, 178).

РФХ *Персиковые сады Улина* – символ красивого пейзажа, эталон богатства, своего рода обетованная земля (см. об этом Троцевич 1975, 184; «Верная Чхун Хян» 1954, 194-195). У великого поэта Тао Цяня (365-427гг) есть поэма-утопия о *Персиковым источнике*, где повествуется о рыбаке из Улина (уезд в современной китайской провинции Хунань), который однажды, плывя по реке, увидел по берегам *заросли персиковых деревьев*, а пройдя через лес, вышел в долину, где нашел неизвестное племя. Племя это удалилось в долину много столетий назад, жило в благоденствии и ничего не знало о происшедших за это время переменах (см. об этом Ким Ман Чжун 1961, 175-176). Зачастую упоминания об *Улинской персиковой долине* встречаются в сравнительных конструкциях или же в предложениях, в которых содержится «скрытое» сравнение.

«Со Ю продекламировал: «Пришла весна, и *персика цветы* поплыли по волнам», и добавил: «Не иначе как именно в этих местах – *персиковый лес Улина*» (Ким Ман Чжун 1961, 120); «Гетеры бросили в ручей свои веночки, и растекаясь по воде благоуханный аромат, словно на берегах ручья расцвели *Персиковые сады Улина*» («Сон...» 1982, 693).

Цветы персика из мифической Улинской долины – неизменный эталон нежной прелести и изящества. Необычная красота именно этих *персиковых цветов* воспевалась поэтами и писателями. Только неземная красота юной девушки может соответствовать этому эталону:

«Как чайка, парящая над морской волною, как *цветы персика, плывущие из Улина*, была она нежна и изящна...» («Повести страны зеленых гор» 1966, 218).

Лотос

В китайской и корейской культуре *лотос* означает чистоту, совершенство, духовное изящество, мир, лето, плодovitость. Кроме того, *лотос* олицетворяет прошлое, настоящее и будущее, поскольку каждое

растение имеет бутоны, цветы и семена. Одновременно *лотос* – символ человека благородного, выросшего из грязи, но ею не запачканного. В своем трактате о цветах «История цветов» Лим Чже пишет о *лотосе*: «Лицом и всем обликом *Лотос* был прекрасен, как женщина, и всегда стремился подняться над мирской пылью, удалиться от суеты» («История цветов» 1991, 316).

Лотос – главный цветок в буддизме. Тянущийся из темной глубины вод к солнцу *стебель лотоса* как бы пронизывает все этажи мироздания и воплощает собой неудержимую силу жизни. А его нежные цветы, распускающиеся над самой поверхностью воды, а также листья предстают символом душевной чистоты, неуязвимой для «грязи и тины» суетного мира (см. об этом Малявин 2000, 334;336; «Korea» 1999, 273-274).

«Душа человека подобна белому *лотосу*, желание его – как весенний ветер» («Сон...» 1982, 30); «По нежным *листьям лотоса* весь день // Бил и хлестал тяжелый дождь осенний! // Но ни единого следа нигде // На чистой их поверхности не видно... Останься незапятнанной и ты, // Душа моя, как этот *лист* широкий!» («Бамбук под снегом» 1978, 94).

Лотос является главным элементом идеальной картины лета:

«Зеркальное озеро // На сто раскинулось ли, // И *лотосы* тихо // Открыли бутоны свои» (Ли Бо 2000, 152); “It was early summer; *the lotus* was in full bloom” (Samuel Kimm 1998, 132).

В стихах поэты подчеркивают недолговечность цветения цветов, в частности *лотосов*. Отцветающие *лотосы* несут идею временного и преходящего. Прошло теплое время, и вянут *лотосы*:

«Как же вы оказались // в заброшенных этих краях, // Где осенние ветры // тоску нагоняют и страх? // Под дождем увядают кусты хризантем во дворе, // Опадают под инеем // *лотосы* в старых прудах» (Ду Фу 2000, 430).

Лотос – цветовой образ. За ним закреплены белый, розовый и красный цвета:

«И *лотос* розовый, и белый *лотос*, // Испив прохладной влаги расцвели» («Бамбук в снегу» 1978, 264); «... красных *лотосов* чаши // сияют вокруг...» («Записки...» 1985,56); «Осенью красному *лотосу* // Время пришло расцветать!» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

Лотос – изысканный деликатес для корейцев и китайцев: в пищу идут *листья, корни и семена лотоса*:

«В *лист лотосовый* рис я завернул, // А о приправе хлопотать не стоит!» («Бамбук в снегу» 1978, 137); «Мои юные спутники // воду готовят со льдом, // *Корень* сладкого *лотоса* – // длинную тонкую нить» (Ду Фу 2000, 414); «После Цзинь-лянь забралась к Симыню на колени

и... принялась угощать *лотосовыми семенами*, держа их в своих нежных пальчиках» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 212).

Из лотоса изготавливали настойку:

«Прислал свиную тушу, жбан *лотосовой настойки* собственного приготовления, два бочонка маринованных пузанков да еще два куса узорной парчи и атласа» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 351).

Из лотосовых стеблей делали лепешки. В корейском переводном произведении встречается рецепт приготовления этого старинного блюда:

«Госпожа Сюй спросила Хун о рецепте приготовления чудесных лепешек. – Их делают *из стеблей лотоса*, – начала Хун. – Сперва стебли измельчают, полученную муку замешивают на сахарной воде и гранатовом соке, потом месят тесто и делают из него лепешки в форме *лотоса*, а их бросают на сито, чтобы стек сок *лотосовых стеблей*. Под конец лепешки нужно пропитать еще раз гранатовым соком и погрузить их в сахарную воду. Вот и весь рецепт» («Сон...» 1982, 525).

Лотос – узор на занавеске:

«С деревьев внешний вид опал, // И тень от них на землю опустилась. // За занавеской, на которой вышит // Цветущий *лотос*, я сижу одна» («Бамбук в снегу» 1978, 243).

На сиденье в форме *лотоса* восседали будды и бодхисатвы:

«Посмотрел, а сбоку появилось сиденье в форме *лотоса*» («История цветов» 1991, 34).

Лотосы часто встречаются в образных сравнениях. Считается, что «*лотос* – цветок чистый и нежный, он символ женственности» («Сон...» 1982, 523), поэтому с *лотосом* соотносится красота женщин:

«Мне эти девушки напоминали *лотосы в Яшмовом пруду*» («Роза и Алый лотос» 1974, 66); «Ян встал, поклонился и на мгновение задержал на ней взгляд. Ему почудилось... будто *лотос* распустился в голубой воде» (Ким Ман Чжун 1961, 97); «... красавицы, что *лотосы*, попарно кружатся в танце» («Верная Чхун Хян» 1960, 301); «Ян внимательно ее оглядел: легкие пушистые волосы, красивое чистое лицо, она похожа на белоснежный *лотос* в голубой озерной воде...» («Сон...» 1982, 692).

Лотосу уподобляется не только весь облик женщины, но и отдельные части тела, например, лицо: «... *лотосовые лица* нарумянены...» («Книга прозрений» 1997, 358); щеки: «... Лицо ее прекрасно... на щеках, подобных *цветам лотоса*, блестели капельки пота – будто красные *лотосы* пили утреннюю росу!» («Записки...» 1985, 56); губы: «...her half-open lips like *the lotus flower* in the pond...» (Kim Tae-kil 1990, 65); «Алые губки полуоткрыла, как *цветок лотоса* в воде» («Верная Чхун Хян» 1960,46); грудь: «Now his queen of beauty and love haunted him all the time – her moonlike face... her short indigo jacket that allowed her *lotus-breasts* to peep out when she stooped to give him the rice...» (Ha Tae Hung

1968, 264); ноги: «... крохотные ножки, нежные, словно *ростки лотоса*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 115).

С лотосовыми стеблями сравниваются волосы девушки:

«Длинные косы Чхун Хян, похожие на водоросли, намотали, словно *лотосовые стебли* в новогодний праздник» («Верная Чхун Хян 1990, 77).

Даже изменения в настроении девушки отражено в корейской литературе через сравнение с *лотосом*: грустное лицо красавицы уподобляется «*прекрасному лотосу, покрытому инеем*» («Сон...» 1982, 75).

С лотосом соотносится и красота лица мужчины:

«У юноши был высокий лоб, лицо, словно *лотос*» («Ссяньчхон кый-бонь» 1962, 28); «... он имел лицо, подобное *лотосовому цветку*, глаза провидца и высокий лоб мудреца» («Повесть о Чон У Чхи» 1960, 284).

Лотос входит в состав РФХ, которое означает прекрасную женскую походку. Это РФХ часто встречается в средневековых корейских и китайских произведениях:

«Повинуясь приказанию матери, девушка вошла, *будто по лотосам ступала*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 327); «Как женственны и изящны эти крохотные ножки – *золотые лотосы*», мелькающие из-под юбок» (Би Сяошэн 1992, 121); «Я ведь не дух, что насыпает любовные чары, не обольстительница с *ножками-лотосами*» (Ким Си Сып 1972, 61).

Этот образ навеян историей, записанной в хронике Южной династии 265-583 гг. По преданию, в правление династии Ци дуньхуньский ван, вырезав из золота *цветы лотоса*, рассыпал их по полу и приказал своей фаворитке Пань Фэй пройти по ним. При этом он говорил: «Каждый ее шаг рождает *цветок лотоса*» («Верная Чхун Хян» 1960, 635).

Лотос отмечен в составе пословицы:

«А ты подумай, что скажет монахиня, – возразила ей Мё Хе. – *Зеленые листья лотоса и его белый цветок различаются по цвету, но корень у них один*. Так и Шакьямуни с Кун-цы не похожи друг на друга, но по святости равны. Хоть ты и не постигла буддийского учения, но, если бодхисатву прославишь конфуцианскими стихами, будет превосходно» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 327-328).

Пион

Пион в Китае и Корее заслужил титул «Царя цветов» и считается воплощением чистого ян, мужского начала (см. Малявин 2000, 334; «Корейские предания и легенды...» 1980, 263). Подтверждения этому находим в художественной литературе:

«Жил некогда *Царь цветов*. Его вырастили в благоуханном саду под зеленым шатром. Вот настал третий месяц весны, и он пышно расцвел. *Царь цветов* высился один, прекраснее всех цветов» («Корейские

предания и легенды» 1980, 123); «Так же улыбаешься ты нежно, // Как король цветов, *пион*, который // За ночь под дождем едва раскрылся» («Верная Чхун Хян» 1960, 65).

Пион также означает свет, любовь, удачу, весну, молодость, счастье. *Пион* – цветок императора, поскольку считалось, что его касаются только пчелы. Из-за своей эффектной красоты *пион* связывается с богатством, славой:

«*Пион* – яркий и пышный, он к лицу дочери или жене знатного вельможи» («Сон...» 1982, 532).

Пион также входит в набор элементов, из которых конструируется идеальная картина весны:

«В таволге весь день звенят пичуги, // Над *пионами* жужжит пчела... // Это ли не образ красоты?» («Бамбук в снегу» 1978, 281); «*The peonies were in full bloom and fragrant as were the magnolias, still covered by the morning dew*» (Samuel Kimm 1998, 41).

Пионы – предмет эстетического наслаждения:

«... служанка Чхун Бан почтительно заметила: – В цветнике возле беседки распустились *пионы*. Вы бы взглянули на них разок. Господин еще не вернулся из дворца, сходите в цветник, полюбуйте *пионами*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 338).

Пион – эталон совершенства, в нем нет изъяна, поэтому красота молодой женщины соотносится с *пионом*:

«В цветущей возрасте она подобна солнцу, сияющему в небесах, и луне, проливающей с высоты свой бледный свет, и нет в ней изъяна, как в свежем цветке персика или пышном *пионе*, а поэтому неизменно возбуждает она сильные чувства» (Малявин 1999, 355); «Лянь Юй подобна окропленному росой *цветку пиона*...» («Сон...» 1982, 543); «Вся она создана небом, словно идеал; среди женщин она – совершенство, как феникс среди птиц или *пион* среди цветов!» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 196).

С *пионом* отождествляется лицо прекрасной девушки:

«На ее лицо, подобное *пиону* под весенним ветром, минувшая ночь наложила печать счастья»; «Ян, улыбаясь, разглядывал прелестное лицо женщины, которое напоминало... раскрывший свои лепестки *пион*» («Сон...» 1982, 65; 115).

Пион связан с любовной ситуацией: любовь уподобляется *пиону*:

«Прекрасная и пышная любовь – // *Пион* с восточных гор, где дождь цветов» («Верная Чхун Хян» 1960, 63).

Известно, что в Восточной Азии ценились *пионы*, цветущие белым цветом и благоухающие, подобно розам. *Пион* – цветовой образ, за ним закреплены белый, красный, пурпурный цвета:

«Ганский император Тай-цзун прислал ей в дар картину, где были нарисованы *пионы* трех цветов: красный, пурпурный и белый...» (Корей-

ские предания и легенды...» 1980, 144); «Вокруг без конца и без края – // Пурпурное поле *пионов!*» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230); «... Среди гор, прильнув друг к другу, два коккаля // Кольшутся над травами густыми, // Похожие на белые *пионы!*» («Бамбук в снегу» 1978, 226).

Хризантема

В Корее и Китае *хризантема* – символ даосского совершенства, осени (точно так же, как цветы сливы являются символом весны), осеннего спокойствия и изобилия (Тресиддер 2001,398). *Хризантема* представляет в цветочном царстве начало инь – лучший осенний цветок, символ покоя и долголетия, а также душевной чистоты (см. Малявин 2000, 334).

Хризантема, как и слива мэхва, сосна и бамбук, может выступать как символ стойкости, неподвластности обстоятельствам. Обычно она противостоит непогоде, наделена постоянством, неизменностью. Она проявляет себя как цветок, причастный к вечному (см. об этом Никитина 1994, 236).

«Скажи мне, *хризантема*, почему // Ты ветерка весеннего не любишь? // Наверно, лучше замерзнуть одной // В холодный день осенний у ограды, // Чем с прочими цветами отцветать // И вместе засыхать под ярким солнцем?»; «Ответь мне, *хризантема*, почему // Ты не цвела при ветерке весеннем, // Когда ж деревья голы, небо мрачно, // Во всей красе раскрылся твой цветок? // Я знаю, в одиноком постоянстве // Ты можешь противостоять зиме!» («Бамбук в снегу» 1978, 190;169).

Хризантема – символ осени:

«Где осенние ветры // тоску нагоняют и страх? // Под дождем увядают // кусты *хризантем* во дворе, // Опадают под инеем // лотосы в старых прудах» (Ду Фу 2000, 430).

Хризантема – символ благородства человеческой души. В китайском трактате XV века «Слово о живописи из сада с горчицею зерно» *хризантемы* отождествляются «с одинокими вершинами с их чувством собственного достоинства и покоем, они словно благородные люди с их чувством долга» (см. об этом «Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 805).

Поэты часто воспевают *хризантему* в своих стихах, отождествляя ее с родиной:

«*Хризантема* – цветок и прекрасный и гордый – // Тяо Цяня великой души воплощенье! // Ты на праздники осени с нами ликуешь, // Это день твоего, *хризантема*, рожденья. // Не напомнишь ты нам сладострастную розу, // Незаметной фиалке с тобой не сравниться. // Прославляли тебя поколенья поэтов, // Ты – великой истории нашей частица. // О цветок благородный! Ты – сердце поэта!.. я желаю воспеть – нет пре-

краснее темы! – // *Хризантему* – красу моей милой отчизны, // И отчизну, прекрасную, как *хризантема!*» («Китайская классическая поэзия» 1977).

Хризантеме приписывается такое человеческое качество, как целомудрие, а сосне – верность:

«Высоко целомудрие одинокой *хризантемы*, зеленая сосна в снегу хранит в себе верность на тысячу лет. Я, как зеленая сосна, а мой любимый, как *желтая хризантема*» («Верная Чхун Хян» 1960, 101).

Наряду с другими представителями растительного мира *хризантемы* выращивались в садах:

«Повсюду цветут *хризантемы*, завезенные из столицы, раскинули ветви столетние сосны, коричные деревья, рододендроны – все необыкновенно красивы» («Роза и Алы Лотос» 1974, 322).

Хризантема в корейской и китайской литературе – цветовой образ. За ней в основном закреплены белый и желтый цвета, реже красный цвет:

«В его саду росли еще белые, желтые и красные *хризантемы*...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 230).

Цветами сливы и *хризантемами* женщины украшали прическу:

«Хочу украсить прическу цветами сливы и *хризантемами*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 257).

В виде *хризантем* делали различные предметы: «маленькие золотые чарки-*хризантемы*»; «Пуговицы были в виде *хризантем* с сидящими на них золотыми пчелками» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 351; 167).

В девятым день девятой луны – осенний праздник, Чунъян, на *лепестках хризантем*, настаивали вино, которое, по преданиям, отвращало злых духов и продлило жизнь. Это вино принято было пить в горах. Этот праздник упоминается в художественной литературе:

«Князь Ян улыбнулся. – Я настолько рассеян, что даже забыл, какой сегодня день. Однако моя наложница приготовила вино с *лепестками хризантем*, и я сразу вспомнил о вас!» («Сон...» 1982, 568).

В литературе встречается и краткий рецепт приготовления этого вина:

«Когда раскрываются *цветы хризантемы*, их срывают вместе со *стеблями и листьями*, заквашивают, смешав с просом и рисом; вино созревает к наступлению девятого дня девятой луны, и тогда его пьют. Вот это и называют «вином из *хризантемы*» (Гань Бао 2000, 50).

Орхидея

В корейской и китайской символике *орхидея* – это совершенный человек, изящество, гармония, изысканность, любовь, красота и женское обаяние (Тресиддер 2001, 260; Малявин 2000, 336).

Красоту и совершенство этого цветка воспевали поэты:

«Зовут ее среди цветов царицей, // Творенья нет под солнцем совершенней, // Разносится по ветру дивный запах. // Надменная и гордая орхидея // Припудрена цветочною пылью... // И вовсе не нуждается в признании» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 61).

В поэзии *орхидея* – символ красоты на земле:

«В долине *орхидея* расцветает // Вдыхаю запах – в мире лучше нет» («Бамбук в снегу» 1978, 66); «*Орхидеи* в долине цветут, // Их вдыхать – мне одно наслажденье; // Облака на вершине лежат, // видеть их – мне одно наслажденье...» («Классическая поэзия...» 1977, 430).

Орхидеи – временной образ. Они цветут лишь краткое время, с наступлением морозов приходит пора увядания:

«Куст *орхидей* под окном взрос. // Зелени запах нежен, густ. // Западный ветер, первый мороз, – // Грустя, увял под инеем куст» («Классическая поэзия...» 1977, 447).

Даже *орхидеи* могут служить пищей животным, например, зайцу:

«И вот художники, собравшиеся в круг, рисуют портрет зайца, каждый дополняя понемногу. Рисуют глаза... рисуют рот, поедающий *орхидеи*, ароматные цветы и травы» («Повесть о зайце» 1960, 294).

Лепестки орхидей использовали для ароматизации воды:

«Тогда Мяонян велела принести таз с умыванием и положить в воду *лепестки орхидей*» (Би Сяошэн 1992, 32).

Аромат мускуса и *орхидей* в китайской литературе неизменно сопровождает приход красавицы:

«Они еще вели разговор, как вдруг раздался мелодичный звон укорашений, повеяло нежным ароматом мускуса и *орхидей*, и появилась красавица...» («Цветы сливы...» Т.1.1998, 91).

Орхидея – узор на веере:

«... инспектор обратил внимание на крапленный золотом бамбуковый веер, который держала певица. На нем был изображен ручей, а вдоль ручья – *орхидеи*» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 98).

Метафорическое обозначение спальни красавицы также связывается с *орхидеями*: «... ее спальня – *орхидейные покои*» (Би Сяошэн 1992, 10).

Орхидея часто встречается в образных сравнениях. Так, внешний облик красавиц отождествляется с *орхидеями*:

«Сперва ему думалось о благоуханных, *орхидеям* подобных подружках...» (Би Сяошэн 1992, 71); «Когда ты танцевала под музыку... ты казалась *орхидеей*, омытой росой в долине» («История цветов» 1991, 432).

Красота женских волос соотносится с *орхидеями*:

«Ее волосы, прекрасные, как *орхидеи*, красиво лежат, закрывая уши...» («Верная Чхун Хян» 1960, 41).

Иногда сравнение вызывает недоумение, русскоязычному читателю может быть не совсем понятно, что легло в основу сравнения *с орхидеей*, скажем, сердца: красота душевных качеств человека или что-либо другое.

«Сердце, словно *орхидея*, источает аромат...» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 132).

Орхидея часто встречается в сравнительных конструкциях:

«Обещания прекрасные, словно *орхидея*» («Корейские предания и легенды...» 1980,117); «Она нежно взяла в руки свирель, похожую на распустившуюся *орхидею*, поднесла к устам и заиграла» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 125).

Орхидея встречается в составе крылатого выражения, значение которого ясно из контекста:

«Вы, молодая госпожа, забываете о большой доброте старшей невестки, слова ваши слишком несправедливы. *«Если орхидея сгорает во огне, — говорили древние, — то даже кумаруна вздыхает с сожалением. Если умирает заяц, то даже лиса печалится»* («Записки...» 1985, 159-160).

Итак, все растения, входящие в так называемую группу «Благородные растения», входят в набор элементов, из которых в корейской и китайской литературе конструируется идеальная картина мира природы. Эти растения выступают в качестве: 1. знаков разных времен года: *слива* — весна, *персиковое дерево*, *пион* — знаки весны, *лотос* — лета, *хризантема* — осени, зеленые *сосна* и *бамбук* — зимы; 2. разного рода эмблем: *бамбук* — эмблема буддизма, *сосна* — конфуцианства, *слива* — даосизма; 3. эталонов морально-нравственного поведения: *бамбук* — совершенный, негибачаемый, решительный человек; *сосна* — верный своим убеждениям и принципам человек; *слива* — мудрец, находящийся в вечном поиске истины; *лотос* — высоконравственный, чистый душой человек; 4. различных символов: *бамбук* — символ постоянства, хорошего воспитания, долголетия; *слива* — символ стойкости, отшельничества, чистоты и красоты и т. д. В корейском и китайском стереотипном мышлении одни растения олицетворяют женское начало инь (*ива*, *хризантема* и др.), другие мужское начало ян (*кипарис*, *пион* и др.).

Практически со всеми растениями рассматриваемой группы образованы речения фразеологического характера, они входят в состав образных сравнений, пословиц, поговорок и крылатых выражений. Как показал анализ, все эти растения имеют в корейской и китайской ментальности свою символику, которая национально-специфична по своей сути, в ней нашли отражение наивные представления корейцев и китайцев об окружающем их растительном мире.

Л и т е р а т у р а

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
2. Би Сяошен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
3. Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990. С.113-190.
4. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990.
5. Гань Бао. Записки о поисках духов. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.
6. Ду Фу. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
7. Жизнеописание королевы Инхён // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
8. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1985.
9. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
10. История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1999
11. Ким Герман. История религий в Корее. Ранние формы религий. Алма-Ата: КазНУ им. аль-Фараби, 2002.
12. Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1961.
13. Ким Си Сып. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худ. лит., 1972.
14. Ким Со Воль. Цветок багульника. М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
15. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит., 1977.
16. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худ. лит., 1975.
17. Книга прозрений. / Сост. В. В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
18. Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худ. лит., 1956.
19. Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
20. Ли Ги Ен. Земля. Роман. М.: Изд-во иностр. литер., 1958.
21. Никитина М. И. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
22. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
23. Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худ. лит., 1974.
24. Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1966.
25. Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
26. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
27. Повесть о Чан Хва и Хон Нён // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.605-629.
28. Повесть о Чон У Чхи // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.245-287.
29. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах. СПб.: Изд-во «Азбука», 1999.
30. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
31. Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
32. Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
33. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.
34. Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худ. лит., 1982.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М.: МАКС Пресс, 2003. - Вып. 25. — 200 с. ISBN 5-317-00843-3

35. Сеянъчхон кыйбонъ (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
36. Тресиддер Джек. Словарь символов. М.: Изд-во торг. Дома «Гранд» и др., 2001.
37. Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
38. Хан Сер Я. Сумерки. Роман. М.: Гос. изд-во иностр. литер., 1961.
39. Цветочница. Роман. Пхеньян: Изд-во литер. на иностр. на языках, 1986.
40. Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
41. Черепаховый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худ. лит., 1970.
42. Ha Tae Hung. Guide to Korean culture. Seoul: Younsei University Press, 1968.
43. Kimm Samuel. The pure hearted lady, Ch'un-hyang. Seoul: Il Ji Sa Publishing house, 1998.
44. Kim Tae-kil. Values of Korean people mirrored in fiction. Seoul: Dae Kwang Munwhasa, 1990. Vol.1.
45. Pratt Keith, Rutt Richard. Korea. A Historical and Cultural Dictionary. Great Britain: University of Durham, Curzon Press, 1999.